

Екатерина

ВИЛЬМОНТ

КУРИЦА
В ПОЛЕТЕ

Заряжайтесь оптимизмом ■ Екатерины Вильмонт

Екатерина Николаевна Вильмонт

Курица в полете

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=127134

Курица в полете: роман / Екатерина Вильмонт: АСТ, Астрель; Москва;

2011

ISBN 978-5-17-056184-1, 978-5-271-22995-4

Аннотация

Она – прирожденная кулинарка, готовит так – пальчики оближешь! Вот только облизывать пальчики некому. Мужчины в жизни Эллы появляются и тают, как ее пирожки во рту. Да и стоит ли расточать свои способности, свою красоту на каждого встречного? Где тот единственный, который оценит ее и примет такой, какая она есть? Застенчивую, не слишком уверенную в себе и все-таки прекрасную? Она готова ждать... Только для него – настоящий пир! А остальным – хватит и «курицы в полете».

Содержание

Часть первая	4
ОДЕССА	4
МОСКВА	15
ОДЕССА	25
МОСКВА	35
ОДЕССА	43
МОСКВА	56
ОДЕССА	62
МОСКВА	74
Часть вторая	81
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Екатерина Вильмонт

Курица в полете

Часть первая

ЭЛЮНЯ

ОДЕССА

Элла с раннего детства знала, что станет звездой.

– Звездочка моя, – шептала бабушка, расчесывая ее темные кудри.

– Эх, Люся, дали мы с тобой маху, – сокрушался отец в разговоре с мамой, – надо было ее не Эллой назвать, а Стеллой. Стелла – звезда!

И только вторая бабушка, мамина мама, возмущенно пыхтя папироской, ерошила внучке волосы и шептала:

– Элка, держись, не давайся, они тебя изуродуют на фиг!

– Дядя Лева подарил мне скрипку, – испуганно сказала ей внучка.

– Ай боженька, что идиоты делают! У тебя же нет слуха! Лучше я научу тебя шить, всегда кусок хлеба будет, а скрипка без слуха – чистое горе!

Но мамина мама не имела в семье веса, она считалась легкомысленной, и Элле даже иногда казалось, что мама немного стесняется ее. Евгения Вениаминовна жила отдельно, на Шестнадцатой станции Большого Фонтана, в маленьком домике, который стоял в маленьком садике. А у папиной мамы была квартира на Пушкинской и дача в Аркадии. Папину маму звали Антонина Сократовна, ее предки были греками.

А вот дедушки у Эллы не было, ни одного. Но у бабушки Жени был сосед, бывший капитан китобойной флотилии, высоченный, представительный мужчина с седыми усами и вечной трубкой в зубах, который не выговаривал букву «л».

– Эвва, вови! – кричал он, когда Элла появлялась в бабушкином саду, и кидал ей через забор шоколадную бомбу, завернутую в золотую бумажку. Это был роскошный подарок! Под толстым слоем твердого шоколада был тонкий слой вафель, а внутри нежнейшая шоколадная начинка. Официально бомбы назывались «Печенье «Мечта». Но никогда и нигде его нельзя было купить, и даже Эллин отец, человек, занимавший немалый пост в Одесском пароходстве и приносивший домой заказы с дефицитом, не знал, где берут шоколадные бомбы.

Это было фантастически вкусно, и ничего подобного она нигде и никогда не пробовала, даже став взрослой и живя в Москве.

В Одессе был культ еды. Как готовила бабушка Евгения Вениаминовна! И мама! Правда, бабушка Антонина Сокра-

товна готовить не умела, она была партийным работником. Но лучше всех готовила соседка тетя Циля, зубной врач. И ее муж дядя Изя тоже здорово готовил. Ах, как Элла любила у них бывать, она там чувствовала себя куда лучше, чем дома, почти так же хорошо, как в саду у бабушки Жени. А дома ее все время заставляли играть на скрипке, которую она от всей души ненавидела. Бабушка Антонина Сократовна говорила, недобро прищурившись:

– Легкой жизни хочешь? Сперва надо попотеть еще!

Но Элла не хотела потеть, в Одессе летом и без скрипки можно так вспотеть! Элла надеялась, что в музыкальной школе, знаменитой школе имени Столярского, откуда вышла прорва знаменитых музыкантов, ее забракуют, но почему-то ее приняли. Дома по этому случаю устроили торжество, пригласили всех родственников, соседка тетя Циля испекла огромный торт со сметанным кремом, а дядя Изя преподнес Элле ее первый в жизни букет красных роз. Антонина Сократовна была недовольна.

– Изя, что ты делаешь? Девчонке не о розах надо думать, ей трудиться надо, вкалывать до седьмого пота, а розы – потом!

– Ничего подобного, женщине розы нужны всегда! – серьезно возразил дядя Изя.

– Она не женщина, а сопливая девчонка!

– Женщина всегда женщина, даже в пеленках, если, конечно, она настоящая женщина.

Дядя Изя вообще был самым добрым человеком на свете!

А остальные гости поздравляли Эллу и дарили ей скучные нужные вещи – большую папку для нот, пюпитр. Правда, тетя Нина подарила красивую клетчатую юбку, но розы доставили ей самое большое удовольствие. И еще торт с нежно-кисловатым сметанным кремом...

А еще на том торжестве присутствовал почетный гость – папин друг из Москвы, знаменитый писатель Вячеслав Батурин. Это был седоватый, вальяжный мужчина, одетый во все заграничное. Дамы млели перед ним – еще бы, столичная знаменитость, – а бабушка Женя сказала тихо маме: «Затейливый самец!» Элле он почему-то внушил какой-то мутный, стыдный страх, и, когда он потрепал ее, девятилетнюю, по кудрявой голове, она в панике шарахнулась от него, а по спине побежали мурашки. Через много-много лет, прочитав его посмертно выпущенные дневники, она вдруг отчетливо поняла – тот страх был ее первым бессознательным сексуальным ощущением...

С поступлением в школу Столярского для Эллы началась поистине каторжная жизнь. По многу часов в день она «потела» под присмотром Антонины Сократовны, которая недвижимо сидела в кресле. Она была немзыкальна, ничего, по видимому, не понимала, но у нее была железная партийная выдержка, и ничто не могло сломить ее волю, даже кошмарные, душераздирающие звуки Эллиной скрипки – иногда она нарочно старалась играть так, чтобы бабушка заткнула уши и

убежала вон или сломала ненавистную скрипку, но ничуть не бывало. Бабушка сидела как каменная. Когда однажды Элла пожаловалась на это бабушке Жене, та усмехнулась и, обращаясь не столько к внучке, сколько к постоянно присутствующему китобою, сказала:

– Ей небось не привыкать, сколько на партсобраниях высидела в самые жуткие времена...

Но все оказалось проще: однажды Элла увидела, как Антонина Сократовна что-то втыкает в уши перед тем, как зайти у нее в комнату. Она попросту не слышала, что там играет внучка! Эти затычки для ушей ей подарил знакомый из подмосковного города Жуковского, где испытывали какие-то очень шумные устройства для самолетов. Узнав все это, Элла стала просто беззвучно водить смычком по струнам. Антонина Сократовна ничего не заметила. Главное, что внучка «потеет».

После «потения» Элле отпускали гулять. Если погода была плохая, она отправлялась прямиком к тете Циле. Кстати, благодаря ей Элла не испытывала страха перед зубными врачами. Тетя Циля была уже на пенсии, но летом работала на Куяльнике, где были знаменитые грязелечебницы. А в остальное время занималась домом, изредка лечила зубы соседям, но далеко не всем, а только «проверенным», которые наверняка не донесут. А еще она пела. Когда-то в далекой юности она мечтала стать певицей, но началась война, и она пошла в морскую пехоту! На чуть тронутых временем сним-

ках тех лет – ослепительная красавица в лихо заломленном форменном берете! Дядя Изя тоже воевал, дошел до Берлина, он тоже в молодости был красавцем, вся грудь в орденах, после войны еще несколько лет служил в армии, а потом стал преподавать английский в институте. У них всегда дом был полон друзей, но центром их жизни был единственный сын, который работал в Киеве и редко бывал дома. Он тоже был красавец. И всегда привозил Элле подарки, а однажды даже пытался поговорить с Антониной Сократовной по поводу ее занятий скрипкой. Мол, не надо, наверное, насиловать ребенка... Но ничего не помогло. А потом в один совсем не прекрасный день у дяди Изи случился инфаркт, его увезли в больницу, а Элла случайно подслушала разговор родителей и узнала, что, оказывается, Игорь, сын дяди Изи и тети Цили, подал документы на выезд в Израиль – и у дяди Изи начались неприятности в институте... Но все обошлось, дядя Изя поправился, только стал не таким веселым и шумным, как раньше, а вскоре все они переехали жить в Вильнюс – Игорь с женой и дядя Изя с тетей Цилей. Вероятно, это явилось в те годы самым большим горем для Эллы, ее первой настоящей потерей, а сколько их еще было впереди...

С мамой творилось что-то странное. Она часто теперь приходила с работы с большим опозданием, исчезала куда-то по выходным и как-то даже сожгла свой знаменитый пирог со сливами. Бабушка Антонина Сократовна была очень недовольна.

– Людмила, что с тобой? Ты не больна?

– Нет-нет, что вы, я просто задумалась.

– Ты случайно не беременна? – понизив голос, осведомилась свекровь.

– Да бог с вами, скажете тоже! – засмеялась мама.

– Жаль.

– А мне нет, – тихо проворчала мама.

Элла подумала, что если бы в доме появился младенец, то, может быть, от нее отвязались бы и позволили бросить музыкальную школу.

Атмосфера в доме стала сгущаться. Папа часто бегал взад-вперед по квартире, не выпуская сигареты изо рта, когда мамы не было дома. По утрам, собираясь в школу, Элла слышала, как они ругаются в спальне. Бабушка Антонина Сократовна стала при появлении мамы поджимать губы и отворачиваться. Элла хотела спросить у нее, в чем дело, но не решилась. Почувствовала, что бабушка скажет о маме что-то плохое. Но ее это сильно тревожило, и она спросила у бабушки Евгении Вениаминовны. Та засмеялась, потом прижала к себе внучку, взъерошила ей волосы и проговорила тихо:

– Ничего страшного, в жизни всяко бывает, вырастешь – поймешь. Просто мама твоя заболела, а свекрови это не нравится. Мне бы тоже не понравилось, если б твой папа заболел.

– Почему? Разве человек виноват, если он заболел?

– Болезни бывают разные...

– Женечка, ты в своем уме? – вмешался в разговор китобой. – Эвва, не свушай бабушку, она сама не знает, что говорит. Твоя мама совершенно здорова, просто у нее неприятности на работе.

– Да-да, – почему-то покраснела бабушка Женя, – я глупость сказала. Просто я имела в виду...

– Что ты имеа в виду, совершенно неважно, – отрезал китобой.

– Ты прав, Люсик.

Здоровенного китобоя звали Алексеем Алексеевичем, но бабушка Женя звала его Люсиком.

Элла сделала вид, что поверила Люсику, но в душе поселился страх: мама больна! В школе у одного мальчика, Вовика Тапуза, умерла мама. У нее нашли какую-то редкую болезнь легких и не смогли вылечить.

Элла стала очень внимательно приглядываться к маме, – она похудела, глаза у нее горели каким-то лихорадочным блеском... Но вскоре все разъяснилось. В один прекрасный день мама встретила

Эллу у школы. Вид у нее был взволнованный и виноватый.

– Мама! – удивилась Элла. – Ты не на работе?

– Нет. Я уволилась.

– Значит, правда ты не больна, а у тебя были неприятности?

Мама как-то рассеянно погладила дочку по голове.

– Элка, мне надо с тобой поговорить. Хочешь морожено-

го?

Элла испугалась:

– О чем поговорить?

– Пошли на лавочку сядем. – Она взяла дочку за руку и повела за собой. – Сядь. Элочка, солнышко мое, я... Пони-
маешь, я должна уехать...

– Уехать? Ну и что?

Мама уже уезжала не раз. То в отпуск, то к родственникам в Москву, то они с папой были в круизе.

– Я... Я надолго уеду...

– А папа? Он тоже уедет?

– Нет, папа не уедет... Мы с папой разводимся...

У Эллы все внутри оборвалось. Она подняла на маму глаза в надежде, что ослышалась и неправильно поняла.

У мамы выступили слезы.

– Элка, пойми... ну не могу я больше так жить... мне плохо в этом доме, я пропадаю там...

– А я?

– А ты... у тебя все по-другому, тебя все обожают, у тебя все есть, ты и дальше так будешь жить... —

Она заплакала. – Ну я не знаю, как это объяснить... не знаю... Ты же еще маленькая, не поймешь, наверное... но ты не думай, я буду к тебе приезжать...

– А ты возьми меня с собой! Я без тебя не хочу, – безнадежным тоном попросила Элла.

– Не могу! Но это пока... Потом я устроюсь и обязательно тебя возьму! Обязательно, честное слово. Ты потерпи без меня немножко, а потом я приеду и заберу тебя, договорились?

– Правда заберешь?

– Клянусь тебе чем хочешь! – горячо воскликнула мама. Она была готова пообещать что угодно, лишь бы дочка не сидела так пришибленно и не таращила на нее испуганные, несчастные глаза. – Ты умеешь хранить секреты?

– Умею!

Мама наклонилась к ее уху:

– Может быть, года через два мы с тобой вообще отсюда уедем! Насовсем... в другую страну!

– В Израиль? – еле слышно спросила Элла.

– В Америку!

– А бабушка Женя?

– Не знаю, там видно будет, – отвела глаза мама. – Элка, пообещай мне, что не будешь плакать.

– Я... Я постараюсь, – с трудом проглотив комок в горле, проговорила Элла.

– Вот и умничка, ты у меня вообще самая умная и самая красивая... – Мама прижала ее к груди. – Если так и дальше будешь стараться, то потом мы с тобой будем жить за границей, в Америке,

в доме с бассейном... и у тебя будут самые красивые платья и игрушки и...

– А там тоже надо будет играть на скрипке?

– Обязательно! У тебя талант! Его нельзя зарывать в землю!

Перспектива жить в далекой, чужой Америке – без бабушек, без папы, хоть и с бассейном, но зато с ненавистой скрипкой – мало привлекала Эллу, однако мама смотрела на нее с такой мольбой, что она вздохнула тяжело и едва слышно сказала:

– Я постараюсь...

Ей было тогда одиннадцать лет.

МОСКВА

– Элка, ты сошла с ума! С такой задницей носить белые брюки! – закатила глаза Леля.

– А мне нравится!

– Мало ли что тебе нравится! Уродуешь себя!

– Леля, по-моему, это тебя не касается!

– Еще как касается, мне ж целый день на тебя смотреть!

– Леля, прекрати! – вмешалась Мария Игоревна. – Оставь Эллу в покое!

– Я ей добра желаю!

– А ты не можешь желать добра немного потише? И по-деликатнее?

– Глупости! Деликатностью ничего нельзя добиться! Пусть она взбесится наконец и мне назло сядет на диету! Тридцать пять лет бабе – надо худеть, пока не поздно! Известно же, после сорока худеть гораздо труднее!

– Да ерунда, не надо ей худеть, ее прелесть в полноте!

– Она слишком хорошо готовит! Вот и жрет немерено!

– То, что она готовит, просто нельзя есть понемножку! Ты ж сама, несмотря на свои диетические заморочки, трескаешь Элкины пироги так, что...

– Вот и я говорю, она слишком хорошо готовит!

Они говорили так, будто Эллы не было в комнате. В общем-то ее все в конторе любили, но она давно научилась

быть незаметной. Никогда не кричала, не выходила из себя, не вступала в шумные дискуссии, а тихо делала свое дело. Она работала юристом в литературном агентстве «Персефона». Название его было составлено из первых букв фамилий организаторов – Перельман, Серов и Фонякова. Перельман уже три года как умер, Фонякова вышла замуж и переехала в Петербург, и Валерий Яковлевич Серов теперь единолично владел агентством. Элли всегда удивляло, неужели никто из создателей фирмы не знает, что Персефона кроме всего прочего была богиней царства мертвых, супругой Аида? Но, судя по Валерию Яковлевичу (остальных она не знала), они ничего не смыслили в мифологии. Впрочем, Персефона была наряду со своей матерью Деметрой еще и богиней плодородия и земледелия, – вероятно, поэтому агентство, в общем, процветало. Валерий Яковлевич был неплохой человек, весьма посредственный юрист, но зато умел прошибать лбом стены и имел организаторские способности. Он быстро понял: миловидная, хоть и полная, женщина незаменимый работник – и очень ее ценил. Если он слышал, что Леля уж чересчур нападает на Элли Борисовну, он стучал кулаком по столу и непререкаемо заявлял:

– Елена, запомни раз и навсегда – никто не знает, какая у тебя будет фигура, когда ты доживешь до лет Эллы Борисовны.

Поначалу Элла обижалась, вспыхивала, глотала подступавшие слезы, но вскоре поняла: он вовсе не хотел ее оби-

деть, просто Валерий Яковлевич принадлежит к мужчинам, для которых двадцатипятилетняя женщина уже, как писал кто-то из классиков, «не совсем свежая Фиделька», а тридцатипятилетняя и вовсе безнадежная старуха. А поскольку он совсем ей не нравился как мужчина, это перестало ее задевать. Он начальник, и неплохой в общем-то, и вроде даже не дает ее в обиду... пусть... Она вообще не была обидчива и по-настоящему обиделась всего один раз в жизни – на свою мать, которая поначалу еще навещала изредка дочь, а потом уехала за границу и сгинула.

Отец спился, бабушка Антонина Сократовна с горя слегла, когда отца выгнали с работы. Тогда бабушка Женя перебралась в большую квартиру на

Пушкинской, а ее китобой перебраться не захотел, и бабушка Женя рвалась на части, ухаживая за Антониной Сократовной, отцом и Эллой и навещая своего китобоя. Денег в семье не стало, Антонина Сократовна отдала бабушке Жене свои драгоценности, которых она никогда не носила, с просьбой продать их.

Бабушка Женя, невысокая, худенькая, с вечной сигаретой во рту, очень удивилась:

– Откуда это у вас? Вы ж всегда говорили, что выросли в нищете. Или у вас были богатые любовники? А как же партийная совесть?

– Женя, что вы такое говорите? У меня в жизни был только один мужчина – мой муж!

– Господи, какой кошмар, до чего ж вы несчастная женщина, я даже не думала! – искренне воскликнула Евгения Вениаминовна.

– Зато у вас их было, видимо, не счесть! Как и у вашей дочки! Боюсь, как бы Эллочка не унаследовала это от вас!

– Надеюсь, унаследует! – усмехнулась Евгения Вениаминовна.

Разговор перешел на другое, а вопрос о происхождении драгоценностей так и остался без ответа.

Но продавать их бабушка Женя не стала. Она решила вопрос иначе – начала готовить на заказ. В Одессе каждая вторая женщина была великой кулинаркой. Но находились состоятельные дамы, жены «больших людей», которые не хотели стоять у плиты, особенно когда предстояло большое застолье. И тогда они обращались к бабушке Жене. Она умела потрафить любому самому изысканному вкусу и потому брала дорого. И вскоре заказать у нее обед или ужин стало считаться хорошим тоном. Бабушка Женя ставила условием, чтобы продукты привозили ей на дом. Сама выбирала на Привозе только рыбу, это она не могла никому доверить. Когда заказчики приезжали за ее яствами, она аккуратно складывала в мешочки все, что у нее оставалось, – немножко муки, несколько орехов, чуть-чуть масла. Заказчики, как правило, краснели и оставляли эти пустяки ей, чувствуя себя при этом щедрыми и великодушными и преисполняясь трепетного уважения к по-старомодному честной пожилой жен-

щине. И только Элла знала, что бабушка уже успела отложить несколько пирожков, немного фаршированной рыбы, тех же орехов, того-сего...

Как-то Элла заявила:

– Бабуль, это ведь нечестно!

Бабушка взъерошила ей волосы, передвинула папироску из одного уголка рта в другой и сказала с вечной своей усмешкой:

– Элка, ты пойми, я ж не последнее у них забираю. Я просто представляю себе, что они бы пригласили меня на ужин и я бы это съела. Они что, обеднели бы? А так я и сама поем, и тебя накормлю, и папаше-пропойце кусок перепадет, и этой партийной стерве. А ее драгоценности лучше тебе достанутся, ты у меня красавицей будешь, красавицам цацки нужны, а кто нынче их тебе купит? Хотя, если честно, нет у меня уверенности, что цацки эти не конфискованы у репрессированных...

Несмотря на все это, за Антониной Сократовной она ухаживала более чем добросовестно, а когда та через год тихо скончалась во сне, бабушка Женя плакала. Она по-своему привязалась к старухе, которую раньше терпеть не могла.

А отца подобрала его бывшая секретарша. Он переехал к ней и даже бросил пить, но как-то совсем потух, высох, сильно постарел и все реже стал навещать дочь. Не любил смотреть на Эллу, которая, взрослея, все больше походила на мать. Она жалела отца, слегка побаивалась в моменты за-

поев, но, когда он перестал пить, почувствовала: он ее не любит. Он вообще никого не любил теперь. А она еще любила его, но совсем не уважала. Он оказался слишком слабым...

Теперь Элла жила в огромной квартире вдвоем с бабушкой и больше не играла на скрипке – у нее теперь было много других обязанностей. Она помогала бабушке готовить. А еще они сдавали одну комнату ленинградскому писателю, который писал сценарий о моряках-черноморцах. А китобой Люсик неожиданно женился на молодой вдове замполита, который спьяну врезался на мотоцикле в телеграфный столб. Бабушка Женя презрительно скривила губы и произнесла только одну загадочную фразу: «Люсик – он и есть Люсик!» Но как-то сразу постарела. Элла чувствовала себя виноватой. Ведь это из-за нее бабушка бросила свой курень на Шестнадцатой станции и соседа-китобоя. А она, наверное, его любила... Но одно Элла усвоила прочно: несмотря на бесконечные разговоры о любви – по радио, по телевизору, в кино, в книгах и в песнях, – любовь – страшная разрушительная сила. Но такая притягательная... Ее подружка Лира влюбилась в знаменитого на всю Одессу красавца Вадю-часовщика. Он был и вправду красив как бог. Сидел за витриной своей часовой мастерской, а девчонки со всей Одессы бегали смотреть на него. Белокурый, загорелый, голубоглазый, с обаятельной улыбкой, он, казалось, ни одну женщину не мог оставить равнодушной. Элла своими глазами видела, как проходившие мимо приезжие дамы, бросив случай-

ный взгляд на витрину часовой мастерской, вдруг замирали в изумлении, подходили поближе и зачарованно смотрели на смуглого, голубоглазого бога, невесть каким ветром занесенного в жалкую мастерскую. Те, что посмелее, заходили внутрь, заговаривали с ним. Он обаятельно улыбался, брал в ремонт абсолютно исправные часы и, говорят, очень неплохо зарабатывал. Лирка бегала к его мастерской каждый день после уроков, стояла столбом у витрины и в результате осталась в восьмом классе на второй год. Но обвинила в этом почему-то Эллу. И даже стала звать ее Эллочкой-Людоедкой.

Элла крайне удивилась, она-то здесь при чем? Но Лиркина бабка, как-то встретив ее у филармонии, презрительно сказала:

– Нельзя быть такой завистливой! Ты, Элла, завидовала Лире, она такая обаятельная, а главное – худенькая! Не то что некоторые...

– При чем тут это? – безмерно удивилась Элла.

– При том! Ты ей завидуешь, вот и таскала ее глазеть на этого... А когда надо было помочь в учебе, ты ее кинула! Ну ничего, отольются кошке мышкены слезки.

Элла в полном недоумении пришла к бабушке Жене. Та, выслушав внучку, усмехнулась, как обычно, пожевала мундштук – теперь она курила сигареты с мундштуком, который почему-то называла дудулькой, – и сказала:

– Ты курица, Элка, только и можешь, что квохтать. Надо было съездить Лирке по смазливой роже. Кстати, твоя мать

в детстве тоже курицей была, да и потом... Пока с твоим отцом жила и с этой старой партийной лярвой... и все-таки взлетела... Но лучше б не взлетала, черт бы ее взял. Ну чего ты, опять плакать вздумала?

– Ба, ты думаешь, мама вернется?

– Да ты что! Из Америки, как с того света, не возвращаются... Но хоть позвонить могла бы, сучка! Ладно, не разнюнивайся! Сдюжим! Ты только курицей не будь!

Но ведь это легко сказать – не будь курицей, съезди по роже... А если рука не поднимается ударить?

В агентстве устроили праздник – они выиграли серьезное дело. Иск вдовы известного писателя к одному из крупнейших издательств, которое после смерти автора продолжало издавать под его именем чьи-то романы. А поскольку покойный с женой был не расписан, то издательство ее проигнорировало. Однако Элле и Серову удалось доказать неправомерность подобных действий издателей, оказалось, что у вдовы имеется нотариально заверенное завещание, в котором она назначается душеприказчицей. Следовательно, без ее разрешения никто не имеет права использовать имя покойного. Кое-кто полагал, что поскольку речь шла о романах, которых покойный не писал, то ситуацию можно рассматривать и так и эдак, а издательство достаточно богатое, то вдова непременно проиграет. А вышло наоборот – и в большей степени благодаря Элле.

Сама она не очень любила выступать в суде, зато Серов

умел это делать отлично. Она ему подготовила все документы, найдя в никем не отмененных пока статьях авторского права такие заковыки, что суду ничего не оставалось, как решить дело в пользу вдовы.

И когда довольный Серов поднял тост за Элли, Леля ревниво заметила:

– Да ладно вам, Валерий Яковлевич, просто плохо про-
башляли судью!

– Елена, чемдохнуть от зависти, лучше бы пошла учиться на юриста – не сидеть же век в секретарях, – наставительно произнес Валерий Яковлевич.

– Ой, больно надо! В бумажках всю жизнь копать! С моими данными я могу рассчитывать на лучшее!

– Лелька, ты пьяная уже, – добродушно засмеялась Элла.

– Я быстро пьянею потому, что не ем! А вы вон уже три бутерброда схавали!

– Что это ты со мной на «вы» перешла?

– От почтения! – дурашливым голосом произнесла Леля.

Серов опять стукнул по столу:

– Замолчи, уволью!

– Ага, щас! – хмыкнула Леля.

Серов вдруг покраснел, и всем стало ясно, что он спит с ней. Не удивилась только Элла, она давно уже догадывалась. Но не стала ни с кем делиться. Она умела хранить не только свои тайны, но и чужие.

На пути к метро Мария Игоревна возмущалась:

– Ну до чего наглая девка! А я-то еще удивлялась, почему он ее терпит? Но как они все скрывали... Элла, ну и банальность! Спать с молоденькой секретаршей!

– На это я могу ответить очередной банальностью – плоть слаба! – улыбнулась Элла. Она это хорошо знала. На собственном горьком опыте.

ОДЕССА

Ей едва исполнилось пятнадцать, еще не совсем прошли юношеские прыщики на лице, но она вдруг стала ловить на себе взгляды взрослых мужчин, и взгляды эти приводили ее в какое-то радостное смятение. Она понимала, что они означают. А мальчишки в школе не обращали на нее внимания, она была для них просто одноклассницей, своей в доску, ее чересчур пышные формы не волновали их почему-то. Но и ее мальчишки тоже не волновали. Она была по уши влюблена во взрослого мужчину. Ему было уже тридцать пять, и он казался ей воплощением всех достоинств, хоть и не блистал красотой. Но ведь мужчине не обязательно быть красивым, это она знала. Иван Аркадьевич жил у них в квартире уже третий месяц. Снимал комнату. Его рекомендовал бабушке Жене ее прежний постоялец, киносценарист. Иван Аркадьевич сценариев не писал, зато писал роман о жизни Одесского порта. Он был веселый, жизнерадостный, и бабушка очень к нему привязалась. Она даже согласилась его кормить. И теперь они часто сидели втроем на кухне. И Элла мечтала, что выйдет за него замуж, тем более что он был в разводе. Он приехал из Ленинграда и много рассказывал о родном городе, который Элла тогда видела только в кино и по телевизору. Она часто, закрыв глаза, мечтала, как они пойдут по Дворцовой набережной, Иван Аркадьевич, Ванечка, будет держать

ее под руку и всем встречным знакомым представлять как свою жену. А они станут удивляться, какая она молодая и красивая. И все это будет происходить в пору белых ночей. Он приведет ее в свою квартиру, где в маленькой, уютной спальне, на белой лакированной кровати будет лежать синее шелковое покрывало с золотыми пчелами. Элла такое видела на одесском толчке, где оно стоило бешеных денег. А дальше она мечтать не смела. То, что должно случиться в этой спальне, наполняло ее таким душным, тяжелым томлением, что она не допускала себя до этих мыслей. Таким образом, виденное на толчке синее покрывало как бы служило много-точием в ее мечтах. Но все это случилось гораздо раньше, и не в ленинградской спаленке, а у них дома, в Одессе.

Утром бабушка Женя сказала:

– Эллочка, я сегодня... Одним словом, мне надо поехать в одно место, я вернусь поздно...

– Куда поехать, ба?

– На Куяльник к Доре! И может, я там заночую, – быстро ответила бабушка и отвела глаза.

Элле это показалось подозрительным.

– А чего тебе там ночевать?

– Может, и не придется, просто, если задержусь, не волнуйся.

– Ладно! – пожала плечами Элла и ушла в школу.

А на переменке к ней подошла Роза Вайншток, из параллельного класса, у ее родителей был домик на Шестнадцатой

станции неподалеку от бабушкиного.

– Слушай, Элка, бабка твоя просто улет!

– А что такое? – встревожилась Элла.

– Ты в курсах, что она опять с Люсиком закрутила?

– Как? – опешила Элла.

– Очень просто! Он уже от своей молодухи гуляет и, конечно, никого лучше твоей бабки не нашел! У них свидания в ее старом курене! Сношаются старички на всю катушку!

– Врешь!

– Да чтоб мне повылазило!

– А ты почему знаешь?

– Моя бабка видела, как они туда входили, он-то свой домик продал – его супружница настояла... А жить в городе, видно, не может без бабки твоей...

– А откуда ты знаешь, что...

– Что сношаются? Ну так это и ежу понятно!

Элла припомнила бабушкино поведение сегодня утром, смущенный взгляд, неуверенный лепет... Да, похоже на то... Ей вдруг стало горько и обидно: она молодая, говорят, красивая, и у нее нет парня, Иван Аркадьевич на нее и не глядит, а бабушка старая, седая, с прокуренным голосом и некрасивыми, натруженными руками... сношается! Невозможно себе представить! Чудовищно! Возмутительно даже!

Она вернулась домой в полном смятении. Как теперь смотреть бабушке в глаза? Как?

Она долго стояла перед зеркалом. А потом решила, что

из этого, по-видимому, неоспоримого факта можно извлечь кое-какую выгоду. Бабушка категорически запрещает ей пользоваться косметикой. Все девчонки в классе уже красят глаза, а иногда и губы. Элла решительно вытряхнула свою копилку – и через час вернулась с тушью в коробочке и тюбиком губной помады. И когда накрасила глаза, показалась себе совершенно преобразившейся и поистине великолепной. Но это еще не все. Под вечер бабушка позвонила и спросила, как дела. Элла была в таком восторге от себя, что весело ответила: «Все в порядке!»

– Я задержусь, тут у Доры всякие неприятности, я должна...

– Ладно, ба!

– Я утречком вернусь, а ты покорми Ванечку, ладно?

– Без проблем!

Пусть теперь бабушка попробует ей хоть что-то сказать насчет косметики! В конце концов, за свою свободу надо бороться! Раньше у нее не было козырей на руках, а теперь...

Тут вернулся Иван Аркадьевич:

– Элла, а где Евгения Вениаминовна?

– На Куяльник поехала к подруге, я вас сейчас накормлю!

– Ах, какая жалость, а я тут коньяку принес, есть повод немножко поторжествовать!

– Какой повод?

– Мою повесть приняли в журнал «Нева»!

– Поздравляю!

– Я смотрю, ты за меня рада.

– Еще как!

– Значит, бабушки сегодня не будет? Тогда давай с тобой немножко выпьем, а?

– Я не пью!

– Ну коньяк я предлагать не буду, а винца сухого можно!

– Давайте, – быстро согласилась Элла.

Она сноровисто накрыла на стол, достала из холодильника закуски, а потом вдруг сообразила:

– Иван Аркадьевич, а давайте лучше бабушкиной абрикосовки выпьем, а? Она вкусная!

– А тебе не влетит?

– Нет, по такому случаю она бы и сама предложила.

– Что ж, давай, это и вправду вкуснота невероятная.

Бабушка делала вишневую и абрикосовую наливку, лучше которой не было во всей Одессе. Многие так говорили.

Элла достала из кладовки бутылку. Она чувствовала сейчас свое неоспоримое право на многое из того, что раньше никогда не посмела бы сделать...

– Ах, черт, как хорошо, как вкусно! Твоя бабка чудо! Ты учишься у нее, в жизни все надо уметь... Ну, давай-ка за нее выпьем!

Они выпили за бабушку, потом за его повесть в журнале «Нева», потом за славный город Одессу.

– Элла, а ты что это сегодня красивая такая, а?

Ее бросило в жар.

– Ох, еще немного – и тут табуны парней околачиваться будут... Ты вдруг повзрослела как-то, похорошела невероятно просто...

Под его изумленным и уже не слишком трезвым взглядом – наливка была крепкой и коварной – Элла еще больше расцвела и все стремительнее забывала бабушкины внушения...

– Хочешь, я тебе по руке погадаю?

– А вы умеете? – удивилась Элла. Она как-то сразу поняла, что не в гадании дело, просто он хочет под благовидным предлогом прикоснуться к ней. Сердце восторженно забилось, и она протянула руку.

– Да, я изучал хиромантию, когда работал над первым романом...

– Прочитать дадите?

– У меня нет с собой рукописи. Он же не издан.

– А когда я в Ленинград приеду?

– Конечно. Конечно, дам...

Он взял ее руку.

– Черт знает что, линии какие-то запутанные, ничего не поймешь, вот линия жизни долгая, длинная то есть...

Элла чувствовала, что у него дрожит рука.

– Какая у тебя кожа нежная... – Он поцеловал ее в ладонь. И посмотрел на Эллу. От этого взгляда она зарделась. Но тут зазвонил телефон.

Элла вскочила и бросилась к аппарату, словно спасаясь бегством.

Это оказался дядя Адик из Москвы, бабушкин двоюродный брат. Узнав, что бабушки нет дома, он стал расспрашивать Эллу, как дела, как успехи в школе и все в таком роде. Элла видела, что Иван Аркадьевич не спускает с нее жадного взгляда, она чувствовала, что сейчас что-то произойдет. И в самом деле, он налил себе в чайную чашку коньяку и залпом выпил. Элла испуганно отвернулась, но тут же услышала, что он встал, отодвинул стул. Она замерла.

– Элка, что там у тебя? – удивился ее внезапному молчанию дядя Адик. – Ты чего замолкла?

– Нет, я... Тут в дверь звонят!

– Может, Женя вернулась?

– Нет, это наш жилец пришел... Извините, дядя Адик, я открою...

И в этот момент Иван Аркадьевич обнял ее сзади и поцеловал в шею, под волосами. Она вздрогнула и выронила трубку.

Конечно, как девочка начитанная, она помнила роман Мопассана «Жизнь» и знала, что в первый раз бывает больно и неприятно. Но что так больно и так неприятно, даже отвратительно, она не догадывалась. И еще она думала, что будет всего несколько капель крови, а тут целая лужа... Он спал, а она плакала и застирывала простыню.

А утром пошла в школу с гордым сознанием – она стала женщиной. Теперь главное – когда будет второй раз... Второй раз должно быть лучше, это известно. И вообще... те-

перь все изменится. Вчера Иван Аркадьевич наговорил ей столько... Ванечка... Но, произнеся про себя это «Ванечка», она не ощутила нежности или волнения. Только некоторый стыд за свою неопытность и неуклюжесть. Но ведь это в первый раз, а потом... Кое-что она все-таки усвоила уже, извлекла кое-какие уроки... Кстати, уроки-то она вчера не сделала... Ну и черт с ними, все равно она лучшая ученица в классе... И в постели я тоже буду примерной ученицей! К счастью, ее сегодня ни разу не спрашивали.

Когда она вернулась, бабушка уже была дома. И в дурном настроении. Неужто догадалась?

– Ба, ты чего? – осторожно спросила Элла.

– Да ничего, так... Кстати, жилец наш съехал... Вернее, уехал!

– Как? – обмерла Элла.

– Телеграмму получил, сорвался и уехал.

– Какую телеграмму? – помертвевшим голосом осведомилась Элла.

– На вот, прочти!

Действительно, бабушка протягивала ей телеграмму.

«Немедленно возвращайтесь, ваше присутствие необходимо. Куроедов».

– Кто это – Куроедов?

– Почем я знаю, какой-то ответственный секретарь, он так сказал.

– Но он еще вернется?

– Да нет, вещи забрал. Слушай, у вас тут без меня никаких... недоразумений не случилось?

– Недоразумений? Нет, недоразумений не случилось.

– Сейчас обедать будешь.

– Не хочется, ба. Голова болит.

– Глупости, думаешь, я не знаю, что ты в Ванечку влюблена? – улыбнулась бабушка. – Ничего, переживешь, не развалишься.

– Да ну, ерунда, он же старик.

Бабушка засмеялась.

Элла едва сдерживалась, чтобы не разреветься. Она сразу смекнула, что никто Ивана Аркадьевича в Ленинград не вызывал. Он просто испугался. Ей ведь всего пятнадцать, а за соращение несовершеннолетних можно и срок схлопотать. Вон у Ленки Дударевой родной дядя в тюрьму сел за то, что спутался с девчонкой четырнадцати лет. Ее мать их застала и пошла в милицию. Хотя девчонка, говорят, та еще оторва была. Вот Ванечка и испугался... Дурак, неужели не понимает, что, даже если бабушка узнает, она лучше умрет, чем опозорит свою внучку... Или он думал, бабушка заставит его жениться на Элле? Он ее бросил после одной ночи, даже не поговорил... Выходит, он трус и подлец. Все это было больно и противно... Значит, ну его к чертям собачьим. Жаль только, что второго раза не будет... А если бы во второй раз с ним было бы так же противно, тогда что? Но для порядка она все-таки малость всплакнула – как-никак ее

бросил любовник...

Однако судьбе было угодно, чтобы второй раз не заставил себя долго ждать, но это было совсем другое дело и совсем другая история.

МОСКВА

Войдя в прихожую, Элла сразу заметила в темноте мигающий огонек автоответчика. Она любила это мигание. Не так грустно и одиноко, когда знаешь, что кто-то тебя ищет, кому-то ты нужна, пусть даже по делу. Она зажгла свет. Ого, целых три звонка. Но первый звонок был пустым: кто-то, очевидно, не захотел разговаривать с автоответчиком. Второй был от подруги: «Элка, как придешь, позвони, тоска заела. Потоскуем вместе!» Тосковать одной или вдвоем с подругой не хотелось. А вот третий звонок... Незнакомый, очень вежливый мужской голос сказал: «Элла Борисовна, Аксентьев Николай Васильевич по поручению вашей матери, Людмилы Штойерманн. Пожалуйста, свяжитесь со мной по следующим телефонам...»

Элла рухнула в кресло. Оно жалобно застонало. Элла не верила своим ушам. «По поручению вашей матери»... Четверть века прошло... Да, она ушла, когда мне было одиннадцать, теперь мне скоро стукнет тридцать шесть, а в последний раз я слышала о ней двадцать три года назад, но тогда у нее была другая фамилия. Вспомнила! Зачем, интересно, я ей понадобилась? Старая стала, о душе думает? Ерунда, она родила меня рано, ей чуть за пятьдесят, о душе в таком возрасте не думают... Или она тяжело больна? Или обеднела? Мысли были холодные, несмотря на волнение, и злые.

Злость была ей несвойственна, и потому она чувствовала себя ужасно. И первым делом позвонила подруге – развеять невероятным происшествием ее тоску.

– Машка, хандришь?

– Ой, Элка, какая ты умница, что позвонила! Я просто на стенку лезу! Такая тоска заела!

– Ничего, я тебя сейчас развлеку! По полной программе!

– Да? – оживилась Машка. – Мужик завелся?

– Нет, моя мамаша объявилась!

– Какая мамаша? – не придумала ничего умнее подруга.

– Родная.

– Господи, твоя святая воля! Она что, письмо прислала?

– Да нет, какой-то дядька позвонил, оставил сообщение на автоответчике. «По поручению вашей матери»!

– И что теперь?

– А я знаю? Я ему еще не звонила.

– С ума сошла? Звони сейчас же!

– Не могу. Мне страшно.

– Страшно? Почему?

– Не знаю, страшно, и все!

– Вообще звонить не будешь?

– Да нет, позвоню, скорее всего...

– Слушай, может, она умирает и хочет прощения попросить? Может, каждая минута дорога, а ты со своими страхами... Звони немедленно, а то потом будешь всю жизнь мучиться, не простишь себе...

– Думаешь? – неуверенно спросила Элла.

– Думаю, думаю. А может, наоборот, тебе там наследство обломилось. Может, она уже... ушла из жизни и оставила наследство. «По поручению вашей матери»... Она ж могла дать ему поручение еще при жизни.

– Да вряд ли, тогда бы меня разыскивала Инюрколлегия.

– Так, может, он как раз и работает в Инюрколлегии? Еще миллионершей станешь.

– Нет, – засмеялась Элла, но смех был нервный. – Это не моя стезя. Мне даром ничего в жизни не давалось.

– Ладно, чем гадать, звони немедленно. А потом перезвонишь мне. – И Маша первой бросила трубку.

Элла еще раз прослушала сообщение – в первый раз она не записала телефоны. Затем в полном смятении набрала номер. Отозвался приятный женский голос.

– Можно попросить Николая Васильевича, – дрожащим голосом спросила она.

– А кто его спрашивает?

– Элла Якушева. Николай Васильевич оставил мне сообщение на автоответчике...

– Одну минутку! Коля, тебя просит какая-то Элла!

– Алло! Элла Борисовна, вы?

– Да, я только что пришла с работы... Что это значит?

– Это значит, что ваша мать вас разыскивает, я хотел убедиться, что это вы и нет никакой ошибки. Как девичья фамилия вашей мамы?

– Берлина, Людмила Семеновна Берлина.

– Откуда она родом?

– Из Одессы.

– А как звали ее родителей?

– Евгения Вениаминовна и Семен Григорьевич.

– А ваша девичья фамилия?

– Якушева. Мой отец Борис Петрович Якушев.

– Ну что ж, Элла Борисовна, могу вас обрадовать, это действительно ваша мать, она живет в Вене и жаждет с вами увидеться. Я дам вам все ее координаты...

– Извините, Николай Васильевич, а она... здорова?

– Насколько я знаю, вполне. Вы думаете, что она решила вас найти, так сказать, на смертном одре? Смею вас заверить, это не так. Ваша матушка весьма спортивная, энергичная и подтянутая дама. Но она не так давно овдовела... Впрочем, лучше она сама вам все расскажет. Записывайте телефон и адрес.

Элла покорно записала.

– А вы позволите мне дать ваши координаты госпоже Штойерманн?

– Да, пожалуйста.

– Благодарю вас. Что ж, я могу считать свою миссию исполненной. Всего наилучшего.

Элле было трудно дышать. Она встала и вышла на балкон. Во дворе гуляли собачники. Элла всегда немного завидовала им. У них был свой мир. Они общались, дружили, даже

женились. Она частенько за ними наблюдала. В феврале среди них вдруг появилась молоденька женщина с маленькой, смешной собачонкой, дня через три к ней прилип мужчина со здоровенным догом, а в мае они сыграли свадьбу... У Эллы тогда даже мелькнула мысль тоже завести себе собачку, но она жила одна и хорошо помнила фильм своего детства «Белый Бим Черное Ухо». Нельзя держать собаку, когда живешь одна, мало ли что может с тобой случиться... Вот и сейчас на лавочке сидели двое: хозяйка таксы и хозяин тойтерьера. Элла точно знала, что у тойтерьера есть хозяйка, а у таксы хозяина нет. Как бы в результате этих прогулок семейная ситуация не поменялась, тем более что такса очень красива, вернее, ее хозяйка.

Внезапно раздался звонок. Элла в испуге бросилась к телефону.

– Ну что? – требовательно спросила Маша. – Дозвонилась?

– Да.

Элла вкратце пересказала ей разговор с Аксентьевым.

– В Вене живет? Здорово, смертельно красивый город.

– Ну и что?

– Как – что? Поедешь к мамочке в гости, в венскую оперу сходишь, пирожные там, говорят, обалденные. Слушай, а ты матери-то звонила?

– Нет. И не собираюсь.

– Как? Почему?

- Не хочу!
- Глупости, Элка, все-таки мать есть мать.
- Справедливо замечено, но не в моем случае.
- Ерунда! Она же наверняка раскаялась, ищет тебя...
- Ничего, поищет, а потом опять замуж выскочит – и ей не до меня будет.
- Надо же, я даже не подозревала, что ты такая твердокаменная... Сколько лет тебя знаю, ты всегда мне казалась немножко курицей, уж извини.
- Бабушка тоже считала, что я курица... Слушай, вот про корову, которая не телится, говорят «яловая», а про курицу, которая не несется?
- Элка, кончай! Этот твой юморок... Значит, будешь ждать звонка матери?
- Не буду! Я звонков не жду вообще, забыла?
- Так то от мужиков, а тут совсем другое дело.
- Да то же самое, только еще хуже. Когда мужики предают, это вроде естественно, я уж давно от них ничего не жду, а когда мать...
- Так и не простила?
- Я много лет уже об этом не думала, а сейчас все всколыхнулось...
- А если она позвонит, разговаривать будешь?
- Наверное. Послушаю, что она мне скажет.

Но она ждала этого звонка, боялась и ждала.

Он раздался в девять утра. Элла сразу поняла – это звонит мать.

– Элла? – раздался красивый, глубокий голос, показавшийся ей незнакомым. – Элка, это мама!

У Эллы вдруг пересохло во рту.

– Эллочка, ты меня слышишь? Алло, алло!

У нее появился акцент, мелькнуло в голове у Эллы.

– Алло! Алло!

– Да, мама, я слышу!

– Господи, Эллочка, детка моя, как ты живешь? Эллочка, ты можешь меня простить, я так перед тобой виновата! Господи ты боже мой, я даже не знаю, как говорить-то с тобой... ты же совсем уже большая, да? Ты, наверное, многое в жизни уже поняла и сможешь простить свою маму? Ну почему ты молчишь?

– Я... Я не знаю...

– Понимаю, тебе трудно, столько лет прошло... Знаешь, нам необходимо встретиться – чем скорее, тем лучше, поговорить, я готова на коленях просить у тебя прощения, я так боялась, что не найду тебя. Эллочка, детка, как ты, как тебе живется?

– Почему тебя вдруг это заинтересовало? Ты хотя бы знаешь, что бабушки уже нет?

– Я почему-то так и думала, – упавшим голосом проговорила мать. – Я перед ней страшно виновата... Страшно... Но все было так сложно... Я расскажу тебе свою жизнь... Я

надеюсь, ты поймешь и простишь свою беспутную мать... –
Она всхлипнула. – Скажи, а у меня есть внуки?
– Нет и никогда не будет, – жестко ответила Элла.

ОДЕССА

Она не слишком грустила из-за бегства Ивана Аркадьевича, только боялась, не залетела ли. Но через несколько дней все страхи улетучились. Зато теперь, собираясь в кино или в гости, она слегка подкрашивала глаза. Бабушка как будто не замечала этого. Поняла, наверное. А однажды Элла застала ее у зеркала в ванной, где бабушка красила ресницы ее тушью. Это показалось Элле настолько диким, что она громко ахнула. Бабушка обернулась. Один глаз был густо накрашен.

– Ты что делаешь? – воскликнула внучка.

– Да вот, решила посмотреть, не слишком ли это... По моему, вполне, ты как считаешь?

От изумления Элла только головой покачала.

– Тебе, кстати, тоже очень идет, – как ни в чем не бывало заметила бабушка.

– А ты куда это красишься, ба? На свиданку с Люсиком?

– А хоть бы и так! Я была уверена, что ты уже в курсе, Розка небось настучала? Я как твою косметику нашла, сразу смекнула: внучка решила свободу отвоевать! – засмеялась бабушка. – А ты красивая стала, и взрослая совсем. Ты только поосторожнее с парнями, помнишь, что я тебе говорила? – Бабушка поцеловала ее. – Знаешь что, эта тушь не очень... Давай в воскресенье на толчок смотаемся, купим себе хорошую, импортную, одну на двоих, а? – Бабушка под-

мигнула ошалевшей Элле, и та вдруг поняла, что ее бабка, хоть и старая – пятьдесят восемь лет, – но еще привлекательная женщина, несмотря на седину, морщинки, прокуренный голос и огрубевшие руки. И еще – она очень неожиданная, ее бабушка.

Прошло несколько дней. Она брела домой из школы, в задумчивости не глядя по сторонам. А думала о том, что сегодня ей шепнул один парень из десятого класса, незаметно ущипнув за пышное бедро: «Ух, горячая штучка! На таком бюсте небось яичницу жарить можно!» Элла в испуге шарахнулась, десятиклассник был противный, и слова его показались обидными, но отчего-то она сомлела. Это быстро прошло, но заставило задуматься.

– Элюня, это ты?

Она подняла глаза и опешила. Перед ней стоял

Витька Шебанов по кличке Шеба. Он был старше Эллы года на три, и она давно его не видела. Он сидел в колонии. Его мама говорила, что Витеньку подставили, что он не виноват, но отмазать его ей не удалось. Все девчонки во дворе умирали по нему и раньше, а теперь перед ней стоял настоящий красавец, хоть и стриженный наголо. Это было заметно, несмотря на модную клетчатую кепочку.

– Витя, ты освободился?

– Как видишь, красотуля! Ну ты и вымахала, выглядишь – зашибись!

– Ты тоже...

– Слушай, ты все с бабкой живешь?

– Да.

– Она тебя в ежовых держит, а?

– Почему? Нет.

– Может, сходим вечером в киношку, а?

– Вечером не выйдет, – вздохнула Элла, – я должна бабушке помогать.

– До ночи, что ли?

– Ну я не знаю, как получится, – смущенно потупив глаза, пролепетала Элла.

– А если я приду к твоей бабке и попрошу отпустить тебя со мной в кино?

– Не знаю. – Элла задохнулась от безумного желания пойти с ним в кино. Но лучше бы тайком от бабушки – и вообще от всех. Все-таки Витька уголовник, что бы там ни говорила его мать.

– Да не бойсь, не пойду я к бабке твоей – охота была нарываться! Но до завтра ждать тоже кисло. Давай ты что-нибудь наври бабке или помогай в диком темпе, а лучше и то и другое – полвосьмого встретимся за углом у булочной, зачем всему двору знать, правда же?

– Ну да... А если я все же не смогу?

– Не сможешь – значит не сможешь! Буду ждать полчаса – до восьми.

– А потом что?

– Да уж сумею время провести, – засмеялся он так, что

Элла поняла: она не переживет, если он пойдет в кино с кем-то другим.

– Ладно, я постараюсь. А какой фильм?

– Не все ли равно?

– Как? – поразилась она.

А он засмеялся опять и обласкал Эллу таким взглядом, что у нее ослабли ноги и она ухватила за него – невольно, не нарочно, но обоих тряхнуло током.

– Ого! – вдруг охрип он. – Ладно, буду ждать до полдевятого.

– Я приду... обязательно, – шепотом пообещала Элла и робко подняла глаза. Он пристально смотрел на нее, не смеялся, даже не улыбался.

– Ну иди... До полвосьмого!

– Вить, а ты когда приехал? – Не было сил уйти, не видеть этих серьезных и слегка все-таки испуганных глаз.

– Приехал? А вчера. И с ходу...

– Что?

– Втрескался!

– В кого?

– В тебя – в кого! Ну иди уже, иди, наври бабке... А то я за себя не ручаюсь.

И Элла отчетливо поняла – второй раз не за горами.

Когда она явилась домой, у бабушки уже дым стоял коромыслом – она пекла на заказ свои потрясающие кексы с цукатами.

– Элка, где тебя носит? Обедать будешь?

– Нет, не хочется!

– Что значит – не хочется?

– Я потом... Что нужно делать, ты скажи, а то мне надо сегодня...

– Мне тоже надо пораньше освободиться. Люсик пригласил меня на концерт Пьехи.

– Да? – возликовала Элла.

– Да! В кои-то веки додумался! Не отказываться же, правда?

– Конечно, что ты, ба!

– А у тебя-то какие планы, а?

– Да мы с Юлькой договорились в кино сходить.

– А, дело хорошее.

– Ба, а после концерта ты сразу домой или как?

– Не знаю еще, а что?

– Да нет, просто... Чтобы знать, ждать тебя или нет?

– Ну и вопросы ты бабке задаешь, – тряхнула головой Евгения Вениаминовна, – ужас просто!

– Но если у меня бабка такая, – счастливо засмеялась Элла.

Бабушка ушла рано, чтобы доставить кексы заказчику на дом, хотя обычно этого не делала, но сегодня был особый случай – концерт Пьехи, и Люсик заехал за ней на своем «Москвиче». Элла бросилась в ванную, горячей воды, конечно, не было, да и холодная текла еле-еле, но она все-та-

ки помылась, накрасила глаза и вытащила из дальнего ящика новый импортный лифчик с кружавчиками – у нее был уже четвертый номер! Она ни о чем не думала, действовала как автомат, а внутри все дрожало... Потом вдруг она замерла, закрыв глаза, вспомнила Витькин серьезно-испуганный взгляд и сама себе сказала, причем вслух:

– Любовь с первого взгляда...

Ровно в половине восьмого она подбежала к булочной. Витька курил, стоя у витрины, которую уже украшали к Первомаю. Красные драпированные тряпки и портрет генсека Андропова.

– Привет!

Витька резко обернулся.

– Бля! – вырвалось у него.

Элла застыла. Что он говорит? (Тогда еще не придумали спасительное словечко «блин».)

– Ох, прости, Элюня, вырвалось! Ты так шикарно выглядишь, просто слов нет! – Он ласково погладил ее по руке выше локтя. Она задрожала. – Ну чего? Пошли? Бабка тебя легко отпустила?

– Она сама пошла на Пъеху.

– Здорово!

В кино показывали скучнейший фильм о конфликте хорошего парторга с не очень хорошим главным инженером металлургического комбината, но им не было до этого дела. Они целовались как безумные, сидя в последнем ряду. И

Витька распускал руки. Но ничего слаще Элла еще не испытывала. К тому же он шептал ей в ухо ласковые слова, некоторые из них ее шокировали, пугали, но тем упоительнее было все остальное.

– Элюня, ты целочка? – вдруг прошептал он.

– Нет, – сразу и гордо ответила Элла.

– Не врешь?

– Нет.

– Что же ты молчала? Пошли отсюда скорее!

– Куда?

– Ко мне, у меня мать в ночную.

Он схватил ее и поволок из зала. Они ни о чем не говорили, а, взявшись за руки, бежали бегом. Но на подходе к их двору Элла вдруг опомнилась:

– Вить, подожди, нас увидят!

– Факт.

– И вообще, я не могу к вам идти...

– Но что же делать? А давай на все плюнем! Какое их собачье дело? Ты хочешь пойти со мной?

– Хочу!

– Тогда пошли!

– Нет, давай не так...

– А как?

– Ты иди в наш подъезд, как будто к Севке идешь, а я потом...

– Годится!

Он ждал ее у их двери, она никак не могла попасть ключом в замок, у него тоже тряслись руки, но наконец они вошли в квартиру, где вкусно пахло кексом. Бабушка всегда умудрялась испечь маленький кекс для внучки из материала заказчика. Но тут Витька обнял ее, прижал к стене и стал расстегивать «молнию» у нее на юбке. И Элла увидела золотых пчел, совсем таких, как на покрывале в воображаемой ленинградской спальне Ивана Аркадьевича. Это было так красиво!

Она сошла с ума! Второй раз превзошел все ее ожидания. У Витьки был опыт, и Элла, как и весь двор, знала, откуда этот опыт. Ему едва стукнуло четырнадцать, когда его затащила к себе в постель не слишком молодая, но весьма любвеобильная дама – жена капитана дальнего плавания. Капитан, далекий от идеала женщин – слепоглухонемым он не был, – узнав о том, что Тамарочка спуталась с четырнадцатилетним пацаном, пришел в ярость, избил жену до полусмерти, но не развелся – это могло повредить его карьере, а переехал с Пушкинской куда-то в новый район. Больше Тамарочку никто в их дворе не видел. Но вскоре Витьку арестовали по подозрению в краже. Его мать была уверена, что это дело рук капитана. Короче, Витьке дали три года, и последние полгода он досиживал уже во взрослой колонии.

– Витечка, – спрашивала Элла, глядя в его невозможно красивые и очень любящие глаза, – Витечка, ты и вправду

ничего не крал, а?

– А если б крал, ты бы меня меньше любила?

– Нет, наверное, но все-таки...

– Да не крал я, не крал! Вон и на работу меня взяли, и вообще я завязал!

– А с чем завязал, если не крал, а?

– Ну, Элка, тебе бы прокурором быть! – восхищался Витька, так и не ответив на ее вопрос.

Она понимала: что-то там все же было. Он никогда ни словом не обмолвился о зоне, а если Элла спрашивала, твердо и неизменно отвечал:

– С этим покончено, Элюня! И вспоминать не хочу!

– Но ты теперь возьмешься за ум?

– Элюня, кончай с нотациями, иди лучше ко мне!

Это и вправду было для нее лучше всего, она совсем не могла без него жить, но некоторое время, месяца два, им удалось таить свой безумный роман от всех. Когда кончились занятия в школе и Элла с бабушкой перебрались на дачу в Аркадию, все стало еще проще. Каникулы – святое время! Утром Элла убегала на пляж, купалась, плавала, загорала, а потом, оставив на пляже свое полотенце и книжку, тихонько смывалась. В условленном месте ее уже ждал Витька со своим стареньким мотоциклом, подарком старшего брата, живущего в Ильичевске. И они мчались в крошечный, полуразвалившийся курень на Четырнадцатой станции. Они никак не могли насытиться друг другом. А однажды, наврав бабуш-

ке с три короба, она уехала с ним на Каролино-Бугаз, туда, где Днестр впадает в Черное море. В будни там пустынно – и вместо тесного, не слишком опрятного куреня к их услугам было море, небо и песок. И солнце, конечно! Они загорели дочерна.

– Элюня, – сказал вечером Витька, когда они сидели у костра, – давай поженимся, а?

– Давай! – легко согласилась Элла. – Но нас не распишут! Мне же только пятнадцать.

– Черт, я когда на тебя смотрю, не верю просто... ты такая... И буфера у тебя как у...

– Не смей так говорить! – оскорбилась вдруг Элла.

– Ладно, прости. Титечки...

– Прекрати!

– Ладно, ты лучше скажи, пойдешь за меня, а? Если скажешь «да», я знаю, как быть, чтобы нас расписали.

– И как?

– Ребеночка заделать!

– Спятил, да?

– Почему? Все продумано. Заделаем ребеночка, как только дадут справку о беременности, пойдем получим разрешение, и ты еще успеешь сделать аборт!

– Аборт? – возмутилась Элла.

– А что такого? Это небольно, говорят, бабам дают веселящий газ – и это кайф! Правда, потом неделю трахаться нельзя... Но как-нибудь потерпим.

– Мудак! – сказала девочка из приличной семьи.

– Думаешь?

– Уверена!

– Значит, не хочешь замуж?

– Замуж хочу, а аборт не хочу! Давай лучше знаешь как сделаем?

– Ну?

– Расскажем бабушке, все ей объясним, и она позволит нам жить вместе, нерасписанными. А когда мне исполнится восемнадцать, распишемся. По-моему, здорово! У нас большая квартира...

– Ага, так твоя бабка меня и пустила, жди! Я ж для нее уголовник!

– Ты не знаешь мою бабушку! И ты еще будешь ей помогать!

– Тесто месить, что ли?

– Нет, будешь отвозить на своем мотоцикле заказы!

– Ага, я в кино видал, как в Нью-Йорке какой-то парень развозил пиццу в коробках. Кстати, ты когда-нибудь ела пиццу?

– Ага. Бабушка делала по заказу одной тетки, у которой муж итальянец.

– А что... Может, ты и права... Попробуй!

– Что? Поговорить с бабушкой?

– Ну да, чем черт не шутит... Она ж у тебя и сама всюю еще гуляет, должна понять молодежь. Значит, ты согласна?

Да?

– Да!

– В таком разе закрой глаза.

– Зачем?

– Кому сказано, закрой глаза.

Она закрыла глаза, но сердце отчего-то тревожно заби-
лось.

– А теперь смотри!

Он протягивал ей раскрытую ладонь, а на ладони лежа-
ло кольцо. Золотое, с синим камнем в оправе из мелких
стеклышек.

– Это что?

– Сама, что ли, не видишь? Кольцо. Между прочим, не
хухры-мухры, а настоящий сапфир с брюликами.

– Откуда? – помертвела она.

– Думаешь, краденое? – усмехнулся он. – Не бойсь, это
еще прабабки моей. Бери, считай, что обручальное!

– Тебе его мама дала?

– Не, мать вообще не в курсах! Это прабабка мне завеща-
ла.

– Не ври!

– Да не вру я!

– Нет, врешь! Витька, где ты кольцо взял? Хотя я и знать
не хочу! Отнеси его туда, где взял, слышишь?

– А ты чего это раскомандовалась?

– Потому что с вором я жить не желаю!

– Да что ты заладила: «вор», «вор»! Если хочешь знать, кольцо мне и вправду прабабка оставила, отцова бабка, она мать мою на дух не переносила, а когда помирать собралась, своей дочке, моей бабке, сказала: пусть кольцо фамильное Витьке достанется, чтоб он своей невесте подарил. А ты. «вор», «вор»! Если б я кольцо украл, я б его заныкал, а не стал бы тебе дарить, или бы продал Вадьке-часовщику.

– А Вадька что, краденое скупает?

– А ты думала?

– Витечка, ты не врешь? – нежно проворковала Элла, которой смертельно хотелось поверить, что кольцо с сапфиром и брюликами – семейная реликвия.

– Ох, ты меня достала! – Он завалил ее на песок и стал целовать. Это было куда убедительнее любых клятв.

МОСКВА

Элла приехала к австрийскому посольству, готовая стоять в долгой, нервной очереди, но, к ее удивлению, народу было совсем немного, в дверях выдавали анкеты и стояли лавочки и стол, где можно было эти анкеты заполнить. А внутри веселый седой ветеран то ли войны, то ли компетентных органов с прибаутками просматривал документы, откладывая в сторонку то, что не нужно.

– Ох, – сказал он, оглядев Эллу взглядом старого бабника, – ну и повезет кому-то в Вене, – такая краля туда собралась! – И он поцеловал кончики своих пальцев. Элла почему-то смутилась.

И только когда она уже оплатила в банке визу, до нее вдруг дошло, что скоро она увидит мать. Все то время, пока шло приглашение, а оно пришло очень быстро, мать послала его с оказией, пока заказывался билет, утрясался вопрос с отпуском – Валерий Яковлевич был недоволен, что Элла уходит в неурочное время, – она гнала от себя тяжелые мысли, а вот получив банковский квиток, вдруг страшно заволновалась. Мать часто звонила, говорила, что уже приготовила ей комнату, купила билеты в театры, на концерты, что в Вене как раз проходит замечательная выставка Дюрера, а еще что они поедут вместе куда только Элла захочет, что она тоже волнуется, но уверена – они прекрасно поймут друг друга, все-

таки родная кровь, и, несмотря ни на что, она любит свою единственную дочь.

А я, думала Элла, я разве ее люблю? Пока, наверное, нет, а смогу ли полюбить снова? Да, конечно да! Она же раскалась. Уметь прощать – великое дело! И конечно, хочется увидеть Вену, хотя что значат европейские столицы в сравнении с родной матерью, которую она не видела бог знает сколько лет! И надо ли везти ей подарки? Элла решила посоветоваться с Машкой.

– Надо! – твердо заявила Машка. – Пусть знает, что мы тут тоже не лыком шиты! Купи ей какую-нибудь цацку.

– Да ты что? Какую цацку? Я даже не представляю себе, как она сейчас выглядит и что носит... Нет, цацку не повезу!

– А что, матрешку? – усмехнулась Машка. – Или водку?

– Нет, конечно. Куплю ей банку икры.

– Это мысль! Икра всегда ко двору придется, но, надеюсь, ты не красную икру покупать собираешься?

– Нет, конечно.

– А ты в курсе, сколько нынче икра стоит?

– Что ж делать, придется разориться, все-таки мать...

– На полкило сколотишься?

– Полкило? – ужаснулась Элла.

– Меньше запахло! А как же широкая русская натура? Зато уже больше ничего другого можно не покупать. Даже водку, у нее там мужика пока нет?

– Откуда я знаю, она ничего не говорила. А вообще ты

права. Полкило икры – это круто!

– Только не забудь взять в магазине чек, а то придраться могут на таможне.

– Я думала на рынке купить, в пластмассовой банке.

– Не вздумай! – замахала на нее руками Машка.

– Почему?

– Потому! Насколько я знаю европейцев, фиг они ее сразу жрать будут, они поставят ее в холодильник до лучших времен или до суперторжественного случая. А рыночная икра сколько простоит?

– Да, наверное, ты права... – задумалась Элла. Она ничего не знает о вкусах и привычках родной матери, помнит только со слов бабушки, что больше всего мама любила торт «Наполеон». – И еще я испеку ей «Наполеон»!

– А что? От твоего «Наполеона» можно шизнуться! – сглотнула мгновенно набежавшую слюну Маша. – И вообще, Элка, ты дура. С твоими кулинарными талантами... – привычно посетовала она.

– Что толку в кулинарных талантах? – вздохнула Элла.

Утверждение, что путь к сердцу мужчины лежит через желудок, всегда вызывало у Эллы горькую усмешку. Ее кулинарные шедевры прокладывали дорогу ко всему самому гадкому и отвратительному в представителях сильного пола. Они очень скоро становились требовательными, капризными, наглыми. Вероятно, им казалось, что если женщина умеет так готовить, то должна делать это постоянно, с утра

до ночи. Но при этом корили ее тем, что она не укладывается в модные параметры 90-60-90. Конечно, иной раз попадались приличные люди – они не обращали внимания на избыток веса, им это нравилось, некоторые даже влюблялись, но ходить куда-то при такой фантастической кормежке просто уже не могли и не хотели. И в один прекрасный день, порвав с очередным кавалером, Элла решила: все, хватит!

– Машка, имей в виду – я мужиков больше не кормлю!

– Как? – ахнула верная Машка.

– Вот так! Не хочу! Надоело! И не вздумай меня с кем-то сводить!

– Ты что, решила зашиться, как воительница у Лескова?

Машка кончила когда-то филфак МГУ, но филология плохо кормила. А работа в дорогом косметическом салоне, половина которого уже принадлежала ей, позволяла жить достойно.

– Нет, зашиваться я не собираюсь. Но отныне я готовлю мужикам только «курицу в полете»!

– С ума сошла! – расхохоталась Машка.

– Почему? С них хватит! А ты не смей распространяться о том, как я готовлю!

– Элка, это свинство! А доедать?

После визита очередного мужика Машка мчалась к Элле – доедать что осталось – и сильно расширила свой кулинарный кругозор. Она выросла в семье ученых гуманитариев, где питались весьма примитивно. Суп, котлеты, часто покупные,

компот из сухофруктов. Машкина мать считала, что тратить драгоценное время на стояние у плиты преступно. А у самой Маши, несмотря на все старания, ничего не получалось. Обязательно или пересолит, или пережарит, или недопечет.

– Нет, Элка, это не мое, – вздыхала она. – Тесто не раскатывается вообще.

– Глупости, я же тебе все написала, это тесто может сделать даже даун. Ты все в точности соблюдала?

– Вроде да, – пугалась Машка.

– Тогда я не понимаю! Ну-ка скажи, как ты делала.

– Сначала просеяла муку.

– Правильно.

– Потом смешала ее с маргарином, добавила ложку сахара, соль, уксус, но оно ни фи́га не месилось, и я добавила яйцо.

– Идиотка! – кричала в ужасе Элла. – А воду? Воду ты забыла?

– Воду? Да, воды, кажется, я не добавила...

– Но я ж тебе объясняла, что уксус наливают в воду!

– Забыла...

И вот уже три года Элла изредка устраивала пиршества для подруг и старых знакомых, но если на горизонте возникал кавалер, то для него готовилось блюдо времен перестройки – «курица в полете». Курицу насаживали на молочную бутылку и ставили на противень с водой в духовку. В процессе приготовления курица оттопыривала крылышки,

словно пытаюсь взлететь. Но куры ведь не летают.

Пожалуй, от этого блюда мужчины не так нагтели... И Элла считала, что метод себя оправдал. Хотя иного и хотелось побаловать фаршированной рыбой, пирожками размером с полмизинца или яблоками под соусом сабайон, но ей удавалось держать себя в руках. А один мужчина задержался надолго. Он был женат, но приходил регулярно, а иногда даже приглашал Эллу в какой-нибудь недорогой ресторан. Он по-своему любил ее, но был так замотан жизнью, что с него и взятки гладки. А Элла его не любила. Она была ему благодарна за то, что он есть, не испытывала отвращения, иной раз даже с нежностью думала о нем, но... Она вообще никого не любила после Витьки...

ОДЕССА

Элла несколько дней не могла решиться поговорить с бабушкой о Витьке. А тут еще как снег на голову свалились московские родственники – дядя Адик и тетя Ида. Они, как всегда, навезли кучу подарков, бабушка была им страшно рада, но никакой возможности для такого серьезного разговора Элла не видела. И сказала Витьке, что надо обождать несколько дней.

– Ладно, когда они свалят?

– Через неделю вроде.

– Подождем, что ж делать, – вздохнул Витька.

А бабушка с тетей Идой все время шептались, что-то считали на бумажках, дядя Адик эти бумажки проверял, но Элла ничего интересного тут не находила. Разве может быть что-то интересное у таких старых людей? Даже бабушкин роман с Люсиком уже не представлял интереса. То ли дело ее собственный роман с Витькой, который стал еще красивее. Волосы уже прилично отросли, он загорел дочерна, и она все время млела – либо при нем, либо в мечтах о нем. И даже вообразить не могла, что их с Витькой судьба решалась сейчас с помощью московских родственников. Она была тихо и безмятежно счастлива. И очень хороша собой. Настоящая одесская красавица! Пышная, полная жизни и любви, согретая южным солнцем и взаимной страстью. Что больше

красит женщину? А она, несмотря на юный возраст, уже была женщиной, правда доверчивой, недалёковидной – словом, немножко курицей.

Однажды утром бабушка сказала:

– Элка, придется тебе немного потесниться, сегодня прилетает Ия.

Ия была внучкой дяди Адика и тети Иды. Ей уже стукнуло двадцать, она успела побывать замужем и развестись. Элла ее никогда не видела, и ей было любопытно познакомиться с московской модной штучкой. Ия училась во ВГИКе на сценаристку.

– Ладно, – кивнула Элла бабушке. – Надо ее встретить?

– Конечно!

– Я одна поеду встречать?

– Если можно!

– Без проблем! – обрадовалась Элла. – А она надолго?

– Посмотрим, может, проживет у нас недели две, у нее каникулы, ей надо хорошенько отдохнуть.

– А дядя Адик и тетя Ида тоже останутся?

Бабушка посмотрела на нее каким-то странным взглядом и покачала головой:

– Нет, они в воскресенье уедут, как и собирались.

Элла облегченно вздохнула. Одна Ия ничему не помешает.

Ия оказалась высокой, спортивной девушкой, не слишком красивой, но вполне стильной, а главное – своей.

- Привет, Элла! Ух, какая ты красивая! Давай дружить?
- Давай! – польщенно воскликнула Элла.
- Покажешь мне город?
- Конечно!

Элла обрадовалась, потому что Витька уехал на несколько дней к бабке в Овидиополь. Он звал ее с собой, но она же не могла. Да и потом, разве сравнишь овидиопольскую бабку с московской киносценаристкой, хоть и будущей? Он не обиделся, а, как показалось Элле, даже вздохнул с облегчением, и она поняла это так: он боялся, что Элла станет расспрашивать бабку о кольце. Он все-таки заставил Эллу принять этот дар, но носить его она боялась.

Они с Ией целыми днями гуляли по городу, валялись на пляже, катались на катере – это им устроил Люсик. Ия всем восторгалась и с наслаждением пробовала одесские яства, упоенно закатывая глаза: «Ой, тетя Женя, ничего вкуснее не ела!» – и рассказывала о Москве. Судя по ее рассказам, жизнь в столице была фантастически интересной. И вообще, все самые замечательные люди жили в Москве, и многих Ия хорошо знала.

– Приезжай ко мне, у меня отдельная квартира, я иногда такие вечеринки устраиваю, закачаешься! Слушай, а ты театр любишь? Я тебя всюду свожу, у меня есть знакомые, мне билеты достать в любой театр – раз плюнуть! И в Дом кино ходим, и в Дом литераторов, и в ВТО, и в ЦДРИ... Ты такая красotka, может, подцепишь хорошего жениха, чем черт не

шутит! Тебе еще замуж, конечно, рано, но... У тебя парень уже был, ну я имею в виду... ты уже спала с кем-то?

– Да! – с гордостью ответила Элла. – Ты только никому не говори!

– Ты меня что, за стукачку держишь? Слушай, а кто твой парень?

– В каком смысле? – насторожилась вдруг Элла.

– Ну он что, школяр, студент, взрослый мужик?

– Он... работает!

– Доходчиво объяснила! – расхохоталась Ия. – А где работает?

– В филармонии! – ляпнула Элла первое, что пришло в голову.

– Музыкант? – удивилась почему-то Ия.

– Нет, настройщик!

Она мигом сообразила – если сказать «да, музыкант», Ия начнет выпрашивать подробности, а так... К тому же у Люсика был близкий друг – известный всей Одессе настройщик Давид Самойлович Лурье, которого безмерно ценили все музыканты города.

– Надо же! Говорят, редкая профессия...

Они гуляли по городу, и вдруг Ия словно споткнулась.

– Эллка, это что такое? – Она стояла у витрины часовой мастерской и ошеломленно глядела на Вадю-часовщика.

– Часовщик, сама разве не видишь? – засмеялась Элла.

– Разве такие часовщики бывают? Можно сбрендить...

Слушай, у нас во ВГИКе даже близко нет такого... Обалдеть... Да по нему Голливуд плачет! Конечно, Голливуд – это сказка, но для «Мосфильма» или, на худой конец, для студии Горького сгодился бы. Ты с ним знакома?

– Нет.

– Ладно, я сама!

Она решительно сняла с руки часы и вошла в мастерскую.

Элла в который уж раз наблюдала, как Вадя берет в руки совершенно исправные часы, вскрывает их, качает головой и выписывает квитанцию. Лицо у него при этом покорно-скорбное. Что ж делать, если они так хотят, эти сумасшедшие? Но сейчас на его лице промелькнуло что-то новое, какой-то интерес. Неужели Ийка ему понравилась? Ой, а ведь Витька говорил, будто Вадя скупает краденое. Надо предостеречь Ию... Хотя зачем, она уже взрослая, разведенка, и уж теперь она точно будет на моей стороне, если что...

В мастерскую вошел пожилой мужчина в бескозырке без ленточек. Она больше напоминала берет. А Ия пулей выскочила на улицу:

– Эллка, умереть не встать!

– Кажется, он на тебя глаз положил.

– Уж не знаю, но свидание назначил!

– Нет, правда? – поразилась Элла.

– Я сама прибалдела!

– И когда?

– Вечером.

– Куда пригласил?

– Не знаю, просил подойти сюда к концу работы.

– Наверное, поведет тебя в «Красную», в бар или в ресторан.

– Элка, куда бы ни повел, побегу за ним хоть на край света! Какие глаза... Он женат?

– Нет. Живет вдвоем с мамой.

– Это плохо. Хуже не бывает. Можно увести от любой жены, но увести от мамы маменькиного сынка, да еще такого... Нереально!

– Ты сразу замуж за него собралась?

– Что ты смеешься? Я влюбилась, это был удар грома или, как я читала в одной книжке, «солнечный удар»! Интересно, он не импотент?

– Откуда я знаю?

– А что о нем говорят?

– Всякое. Даже кто-то сказал, что он это... педик.

– Ерунда! Был бы педик, не стал бы свидание назначать.

Ну все, Элка, поехали домой, надо отдохнуть, привести себя в порядок... Только ты моим ничего не говори! А то они такой хай поднимут!

Элла молча кивнула.

Вечером Ия умчалась на свидание, наврав с три короба бабке и деду, а Элла грустно слонялась по саду и жалела, что не поехала с Витькой в Овидиополь... Потом забрела в сарайчик, где было припрятано кольцо. И решила, что, пожа-

луй, здесь не слишком надежное место: Люсик частенько заглядывает в сарай – то взять инструмент, то за дровами для шашлыка. Она достала кольцо и решила, что завтра отвезет его на городскую квартиру. По крайней мере до осени никто там его не обнаружит, если хорошенько спрятать.

– Элла, Элла! – донесся до нее голос Ии. Странно, что это она так быстро вернулась?

Элла сунула кольцо в карман платья и выскочила из сарая.

– Я тут.

Ия была бледна как смерть.

– Что? – испугалась Элла.

– Кошмар и жуть! Я пришла, а мастерская закрыта, его нет... Но хуже всего, что дверь... опечатана!

– Как – опечатана?

– Очень просто! И люди говорят, что его арестовали! Можешь себе представить!

– Господи, за что?

– Не знаю я, кто-то говорил, что на него донесла какая-то обиженная стерва! Я, конечно, понимаю, ревность, злость, но сажать... Я не верю, что с такими глазами можно... А между прочим, у него остались мои часы! Швейцарские, подарок отца.

– А квитанция есть?

– Какая квитанция, когда любовь с первого взгляда?

– Ну можно заявить в милицию, ты ж не виновата.

– Ни за что! Иметь дело с милицией? Да черт с ними, с

часами, скажу отцу, что потеряла или украли... Лучше украли, вроде моей вины нет... Фу, я вся взмокла. Ни фиги себе свидание! Представляешь, если бы его повязали не в мастерской, а в ресторане? Со мной? Хороший бы я имела вид! Да еще могли бы загрести вместе с ним! Поди докажи, что ты не верблюд! Можно считать, легко отделалась! Нет, видно, не судьба такого красавца захароводить. И ведь в Москве никто не поверит! Скажут, я это все придумала для курсовой работы. Эх, жалко, я его не сфотографировала! Хоть бы портрет на память остался!

– Портрет? Портрет можно достать.

– Как?

– У фотографа на Одиннадцатой станции висит Вадин портрет. И он втихую подторговывает его фотографиями, я знаю.

– Откуда?

– Одна моя бывшая подруга говорила. Она там купила.

– Завтра с утра отведешь меня туда! С фотокарточкой можно такую тень на плетень наводить...

– Какую тень? – не поняла Элла.

– Повесить у себя в квартире! Кто зайдет, обязательно спросит, кто да что. А я буду томно закатывать глаза... ой, а еще ты мне сделаешь надпись на фотке.

– Я? Какую надпись?

– Дарственную, как будто от него. «Дорогой и любимой Иечке» или что-то в этом роде. Бабы все обзавидуются, а му-

жики ревновать будут и чувствовать свою неполноценность в сравнении с таким красавцем...

Тоже мне любовь, с презрением подумала Элла. Вадя сейчас в милиции, а она... Это что же, все сценаристы такие? Наши фильмы про любовь по большей части полная фигня! Влюбленные там только бегают, взявшись за руки, целуются под дождем, а из постели вылезают в трусах. Тьфу!

Утром Ия, с аппетитом позавтракав, шепотом потребовала:

– Поехали к фотографу, ты же обещала!

Элла, пожав плечами, согласилась. Она уже поняла, что Ия хоть и неплохая девушка, но пустобрешка.

Когда они вернулись в Аркадию, вид у бабушки был странный, ничего хорошего не предвещающий. Интересно, что же случилось? Но Евгения Вениаминовна помалкивала пока, а дяди Адика не было дома. И тут вдруг Элла вспомнила, что вчера забыла спрятать кольцо, оставила в кармане платья. Она похолодела, но платье спокойно висело себе в шкафу, и кольцо было на месте. У Эллы камень с души свалился. Значит, дело в чем-то другом. Наверное, бабушка поссорилась с Люсиком. Конечно, именно в этом причина ее грозного вида и настроения. Ничего, помирятся. Но кольцо надо все-таки спрятать, пусть пока в сарай, зарыть его под дровами поглубже – и дело с концом. Она взяла свой детский совочек, вышла в сад и, стараясь остаться незамеченной – бабушка колдовала на летней кухне, и тетя Ида с нею, – юрк-

нула в сарай. Так, если выкопать ямку под поленницей у самой стенки, маловероятно, что кто-то найдет. Она села на корточки и стала копать слежавшуюся, сухую землю.

– Так, что это ты тут прячешь? – раздался вдруг голос Евгении Вениаминовны. – А ну покажи! Так я и думала. Я давно ждала чего-то в этом роде! А ну говори, где взяла кольцо?

– Нашла!

– Врешь, паршивка! Если б ты его нашла, то явилась бы ко мне и показала, а не стала бы прятать! Говори, где взяла, говори, а то хуже будет!

– Бабушка, я его правда нашла, только вчера, просто не успела...

– Врешь, тебе его твой уркаган подарил, да? Или ты сама украла?

– Украла? Я украла? – возмутилась Элла, но тут до нее дошел смысл бабушкиных слов про уркагана. Она замерла с открытым ртом.

– Думаешь, я слепая-глухая и совсем без мозгов? Только не хотела вмешиваться, дура! Думала, первая любовь, нельзя вмешиваться, само пройдет! А еще немножко – и ты в колонию загремишь! Откуда кольцо?

– Нашла, а спрятать хотела, потому что... потому что собиралась подарить его тебе на день рождения! – Элле показалось, что отговорка весьма удачная.

– Не ври мне!

– Я не вру, – упавшим голосом проговорила Элла.

– Нет, врешь, я ж тебя знаю. Так вот тебе мое последнее слово... Ида, Адик приехал?

– Да!

– Достал?

– Да!

– Отлично! Так вот, сегодня вы вчетвером уезжаете! В Москву!

– Как? – ахнула Элла.

– Вот так, очень просто. – Бабушка крепко взяла ее за руку и потащила в дом. Там на веранде сидели Люсик и дядя Адик. А тетя Ида в комнате тихо кричала на Ию. Атмосфера была грозовая. В небе тоже сгущались тучи и навалилась духота.

– Сядь! – приказала бабушка и схватила сигарету. Люсик щелкнул зажигалкой.

– Элка, нам жутко повезло, достали два купе в спальном вагоне. Поедем как цари! Но чего нам это стоило! Люсик достал билеты через обком партии. Можешь себе представить? – запыхавшись, говорил дядя Адик.

– Ни один другой канав не сработав, – качал головой Люсик, – я уж думав, что ничего не выйдет! Но тут вспомнив, что есть один знакомый в обкоме, упав ему в ножки – и он достав из обкомовской брони! Пришлось пообещать ему две бутылки Жекиной абрикосовки!

– Люсик, ты спятил, нашел валюту! – возмутилась бабушка. – Скажи спасибо, что это ты не свои дела улаживал, охота

была тратить на всякую партийную сволочь мои труды!

– Тише, Жека, тише! – поморщился Люсик.

– Присмотрите за ней, я пошла собирать ее вещи!

– А зачем мы едем в Москву? Вы же хотели еще побыть.

А Ия вообще...

– Мало ли что мы хотим в этой жизни! – развел руками дядя Адик. – Я, например, хочу сейчас пить кока-колу со льдом на набережной Ниццы, и что?

Возразить ему было нечего.

А Люсик погладил Эллу по голове и прошептал:

– Ничего, Эвка, не так пвохо, в Москве скучать не будешь, там весево – магазины, театры, музеи. Развеешься, охове-нешь, и Жека успокоится. Побудешь немного и вернешься!

– Но я и вправду нашла это кольцо! – шепнула в ответ Элла.

– Будем надеяться!

МОСКВА

В последние дни перед отъездом в Вену Элла так волновалась, что на работе почти ничего не соображала. Валерий Яковлевич недовольно качал головой, но замечаний не делал, видимо входил в положение. В агентстве все знали – у Эллы Борисовны нашлась родственница за границей, в Австрии. Степень родства она не уточняла, но все знали, что у нее мать за границей, а степень волнения выдала ее с головой. Разве станет человек в здравом уме так психовать из-за какой-нибудь десятой воды на киселе? Но все помалкивали, даже Леля.

В последний рабочий день, как было принято у них в агентстве перед отпуском, Элла «проставлялась». Испекла большущий пирог с грибами, наделала каких-то салатов, а торт купила. Ей предстояло еще вечером испечь «Наполеон» для мамы. И, разумеется, они хорошо выпили по случаю ее отъезда. Мария Игоревна пожелала ей удачной поездки, Ванда – европейского жениха, Леля – похудеть. А Валерий Яковлевич произнес:

– Элла Борисовна, дай вам Бог счастья и жениха, но главное – возвращайтесь поскорее, нам будет вас не хватать! – И он взял со стола уже пятый кусок пирога с грибами.

А Леля, помешанная на диетах, третий.

Элла растрогалась и пообещала по возвращении из отпус-

ка испечь им фруктовый торт. Вдохновленный такой перспективой, Валерий Яковлевич заявил, что в аэропорт Эллу отвезет его водитель.

Элла еще больше растрогалась и решила, что купит в Вене сувениры для всех сотрудников, даже для Лели.

Вечером после работы явилась Машка – сделать подруге массаж, маску и все что нужно для того, чтобы завтра Элла выглядела на пять с плюсом.

– Ты продумала, что наденешь в самолет?

– Все черное!

– Почему это?

– Черное худит, и вообще я люблю черный цвет. Мне идет.

– А она не воспримет это как траур по материнской любви?

– Откуда я знаю, как она что воспримет?

– Тоже верно. Эллка, ты совсем ее не любишь?

– Не знаю. Я сейчас еще не понимаю, кого любить... Вот увижу ее и пойму, наверное... и полюблю... или нет...

– Да, это как с мужиком. Иногда встретишься глазами – и все, он уже родной и любимый, а то проживешь с ним лет пять, а он как был чужой, так и остался.

– У меня так не было.

– Как?

– Чтобы родной... С первого взгляда или с десятого... Все чужие.

– Ничего, еще не вечер! Особенно за границей. Это у нас

теперь баба уже в сорок лет не котируется, а за границей, говорят, наоборот.

– Почему в сорок не котируется? – испуганно спросила Элла.

– Ну не то чтобы... Это смотря в каких кругах. В модной тусовке, если ты не звезда, а просто баба, даже охренительно красивая, после сорока шансов практически нет.

– Шансов на что? – уточнила Элла.

– На классных мужиков. Не знаю, это мои клиентки из тусовки жалуются.

– Ну если ничего другого в жизни нет... И потом, что такое классный мужик в их представлении? Богатый?

– Ну это в первую очередь. Тут закономерность прослеживается невооруженным глазом: чем богаче мужик, тем моложе у него бабы.

– Слушай, Машка, а нам-то с тобой что до этого? Мы же не из тусовки и на олигархов не претендуем. Нам другие качества в мужиках нужны. А на жизнь сами заработаем. Так спокойнее, правда?

– Ты права, Элюня! А то олигархов стреляют, сажают, и вообще. Нам бы чего попроще... А простым мы и в сорок сгодимся, к тому же нам до сорока еще пять лет! Как ты умеешь успокаивать, Эллка! А то я сегодня расстроилась.

– Из-за чего?

– Из-за клиентки, из-за чего ж еще! Пришла, молодая, красивая, богатая, а ей надо было минут десять подождать –

она раньше явилась. И говорит: «Мария Дмитриевна, можно я тут у вас поплачу?» Представляешь себе? А мне некогда, я говорю: плачьте, Нелли, сколько влезет.

– И чего она плакала?

– Видно, кисло ей, молодой, красивой и богатой, живет-ся. Поправилась на полтора кило, а муж ей скандал закатил: мол, толстая корова. А она – в чем душа держится, прозрачная просто... Это ее счастье, что она с тобой не знакома.

– Почему? – удивилась Элла.

– Да вот если бы она твой «Наполеон» попробовала, поняла бы, что такое счастье в жизни!

– Намекаешь? – рассмеялась Элла.

– А то! Твоей мамаше такой тортище не одолеть.

– Так и быть, отрежу тебе край! Тем более он в коробку не лезет.

– Кайф, Элюня! А ты такси заказала?

– Мне Серов свою машину с водителем дает.

– Слушай, он к тебе не клеится?

– Слава богу, нет. Просто ценит хорошего работника.

– Элка, а ты вещи собрала? Сколько мест получилось?

– Три. Плюс торт.

– Спятила, да? Разве можно так ездить? Ты должна выглядеть элегантно! Дай-ка я на твой багаж гляну! Конец света! Нет, так не годится! Эта сумка вообще только на выброс! И чемодан, конечно, тоже! Неприлично!

– Мне плевать!

– Напрасно! Твоя маманя должна увидеть элегантную, преуспевающую даму, а не челночницу какую-то затрюханную. Этот чемодан, не говоря уж о сумке, может вызвать только жалость и отвращение! И как я раньше не подумала...

– Теперь уж поздно, – легкомысленно махнула рукой Эл-ла. – Ночь на дворе!

– Ну в принципе можно купить приличный чемодан в дьюти-фри...

– И переть его с собой в самолет? Да он неподъемный!

– Тоже верно, но так ехать нельзя! А у тебя тут соседей, у которых можно раздобыть приличный чемодан, нету?

– Нету!

– Тогда ладно, я смотаюсь домой и привезу тебе две сумки! Поедешь как приличная женщина, а не бомжиха!

– И тебе не лень?

– Лень, конечно, но я ж все-таки на колесах! Эллка, тебе надо завести машину, научиться водить, это современно, особенно для одинокой женщины.

– С ума сошла! Зачем мне эта морока? Да если даже я каждый день буду на такси ездить, мне это дешевле обойдется.

– Дешевле? Пожалуй, но своя машина – это стильно!

– Да ты, по-моему, все деньги в нее вбухиваешь!

– Ну она ж пятый год у меня, скоро поменяю, у меня это в плане. Ну я помчалась!

Элла беспомощно развела руками. Ей самой не пришлось

бы в голову, что с таким чемоданом и сумкой ехать неприлично, но раз Машка так считает... Она лучше разбирается в подобных вещах. Комплекс провинциалки был в Элле силен, несмотря на долгие годы, прожитые в Москве. Сейчас, конечно, многое было преодолено, она уже правильно ставила ударения, не говорила больше таможенник, соломинка, не называла соленые огурцы кислыми, а кислую капусту соленой, как некогда, но напевность одесской речи еще сохранялась, придавая особую теплоту ее и без того красивому, звучному голосу. Слушая ее, хотелось очутиться в теплых краях, улечься на теплый песок, загорать, купаться в море, есть фрукты и вареники с вишнями...

Маша вернулась вскоре с роскошной, большой сумкой на колесиках и второй, поменьше, из темно-коричневой мягкойшей верблюжьей кожи, купленными в Тунисе.

– Машка, какая роскошь! Я не могу... А вдруг в самолете попортят?

– Не попортят!

– А если украдут?

– Слушай, не занудствуй, а то накаркаешь! Знаешь что, я, пожалуй, останусь у тебя ночевать, не возражаешь?

– Здорово! – искренне обрадовалась Элла.

– По крайней мере буду спокойна, что ты уехала в приличном виде.

– И мне не так страшно будет...

– Тебе страшно? – Глаза Машки налились слезами сочув-

СТВИЯ.

– Не то слово.

Часть вторая

ЭЛЛА БОРИСОВНА

Лететь до Вены недолго, всего два часа двадцать минут, но Элла вконец извелась. Самолет оказался старым, тесным, с такими короткими ремнями безопасности, что она едва смогла застегнуть их на животе, а столик так впивался в тело, что не то что есть, дышать было невыносимо, и Элла решительно отказалась от завтрака, а взглянув на то, что дали соседям, даже обрадовалась. Эх, надо было не жадничать, а лететь «Австрийскими авиалиниями», там хоть и дороже, но наверняка удобнее и лучше. Но, глядя, как спокойно себя чувствует тощая пожилая дама в соседнем кресле, с каким аппетитом жует отвратительного вида булку, Элла почувствовала себя толстой, некрасивой, неуклюжей – совсем неподходящее настроение перед встречей с матерью. Но она вспомнила наставления Марии Игоревны и принялась повторять про себя: «Я красавица, я красавица, а полнота мне идет, я такая – не нравится, не берите!» – и понемногу успокоилась. Выпила красного вина.

Господи, а как же мы друг друга узнаем? – испугалась вдруг Элла. Ведь за столько лет мы обе неузнаваемо изменились. Или мать рассчитывает на свое материнское сердце? А может, она будет стоять с табличкой «Элла Якушева»? А

вдруг она по какой-то причине не сможет приехать в аэропорт? Тогда, наверное, она попросит кого-то меня встретить или объявят по радио, чтобы я подошла к окошку информации, а там скажут, чтобы я взяла такси? Но я ж не говорю по-немецки... Ничего, объяснюсь по-английски! Главное – у меня есть с собой деньги, на худой конец – возьму такси и поеду в какой-нибудь отель... Ерунда, как она может меня не встретить? Чушь собачья! Обязательно встретит...

От волнения она даже не заметила, как прошла паспортный контроль. И, стараясь не терять из виду высокую девушку в красной курточке, которую выбрала ориентиром, направилась за багажом и вдруг вспомнила, что сумки – чужие, испугалась, что может их не узнать, но тут же успокоилась: Машка вчера навязала на багаж красные ленточки. Ага, вот сумка! А вон и вторая, на колесиках. Погрузив все это на тележку и туда же положив коробку с тортом, которая, к счастью, не помялась в мелком багажном отсеке, Элла подтянула живот, перевела дыхание и медленно направилась к выходу, замирая от страха. И тут же увидела мать. Та мало изменилась. Постарела, конечно, и волосы явно крашенные, но... Очень стильная европейская дама растерянно озидала толпу выходящих пассажиров.

– Мама!

Европейская дама вздрогнула, глянула на Эллу, и они бросились друг другу в объятия.

– Мамочка, я сразу тебя узнала, с первого взгляда!

– Боже мой, Элка, какая ты толстая!

Ее как обухом по голове ударили. Чего угодно ожидала она от встречи с матерью после стольких лет, но такое! Больше всего на свете захотелось немедленно вернуться в Москву. Слезы комком стояли в горле, но она взяла себя в руки и холодно сказала:

– Ты разочарована, мама?

– Ах нет, что ты, прости меня, это я от растерянности, сама не знаю, что ляпнула, ты пойми, я ж тебя помню маленькой девочкой...

– Я и тогда была нехуденькой.

– Но ведь все могло измениться с годами...

Она говорила по-русски странно, одесская интонация сохранилась, но появился какой-то чужой акцент.

– О, сколько у тебя вещей, ездить надо с минимальным багажом, в конце концов всегда можно купить что-то необходимое... Ну ничего, научишься... Идем скорее, у меня на сегодня много планов! Не будем терять время, правда? Иди за мной!

Мать шла впереди, а Элла уныло катила за ней свою тележку с сумками и тортом. Мать была стройная, подтянутая, с красивыми ногами, в короткой модной юбке.

Хорошо хоть, ноги я от нее унаследовала. Мать остановилась возле роскошной «Ауди». Открыла багажник. Элла погрузила туда свои пожитки, окончательно пав духом.

– Ты водишь машину? – спросила мать.

– Нет.

– Но как же ты обходишься?

– Прекрасно обхожусь, – пожала плечами Элла. Разве такие вопросы должна задавать мать?

Они сели в машину.

– Пристегнись!

Элла покорно завожилась с инерционным ремнем, никак не попадая в замок.

– Я не умею.

Мать молча помогла ей. В машине повисла тяжелая пауза.

Вырулив со стоянки, мать сказала:

– Ну рассказывай!

– Что?

– Все! Я абсолютно все хочу о тебе знать!

– Ну я не знаю... Ты, наверно, не поймешь... У нас ведь все изменилось, совсем другая жизнь...

– А как ты оказалась в Москве? И давно?

– Давно, уже двадцать лет...

Они уехали в Москву в тот же день. Элла ничего не смогла с этим поделать. У них было два купе в абсолютно пустом вагоне. Всю дорогу дядя Адик возмущался:

– Нет, вы можете мне это объяснить? Если вагон пустой, где тогда билеты, спрашивается вопрос? Почему их нигде не было? Почему надо было унижаться в обкоме, спрашивается вопрос?

– Дед, тебе не все равно? – морщилась Ия. – Тебе же луч-

ше – не надо стоять в очереди в сортир! Ты едешь как важная персона, вот и радуйся!

– Как, спрашивается вопрос, я могу радоваться, что столько народу не достало билетов, что вагон идет порожняком, а железная дорога недосчитается прибыли! Это черт знает что!

Ия не выдержала и, схватив Эллу за руку, увела ее в соседнее купе, где работал кондиционер, было чисто и шикарно.

– Мне лично нравится так ехать, тем более тетя Жека надала с собой таких вкусностей! Эллка, ты можешь рассказать мне откровенно, из-за чего такой кипеши?

– Из-за меня, – вздохнула Эллка. – И из-за Витьки.

– Так! Кто такой Витька, почему не знаю?

Эллка не была уверена, что надо посвящать Ию в свои тайны, но, с другой стороны, кто ей поможет, кроме Ии? И она, рыдая, поведала той горькосладкую историю своей преступной первой любви.

– Ну ни фиги себе произвол! – возмутилась Ия. – Взять человека и отправить в другой город, не спросясь, как посылку! Варварство! Ты так его любишь?

– Ужасно!

– И он тебя ужасно?

– И он! Он даже хотел мне ребеночка заделать, чтобы нам разрешили жениться...

– Еще не хватало! Идиот он, что ли? Но с другой стороны... Это даже трогательно. Он, видно, совсем еще телок,

хоть и отсидел в колонии... Ну ничего, Элка, все утрясется. А может, так и лучше... Поживешь недельку-другую в Москве, наведем на тебя столичный лоск, познакомишься со знаменитостями, будешь делать вид, что успокоилась, что тебе не до одесского урки, и вернешься, не дрейфь! Главное, чтобы дед с бабкой давали правильные сводки о твоём состоянии духа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.